

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Её основа — отрицание

Алехандро де Акоста

Алехандро де Акоста
Её основа — отрицание
весна 2013

Скопировано 05.05.2020 с https://vk.com/@post_anarchism-alejandro-de-acosta-its-core-is-the-negation

ru.theanarchistlibrary.org

весна 2013

более облегчать высказывание нигилистической позиции со всеми ее разрушительными последствиями. И наоборот, как я уже говорил, *простое последовательное изложение нигилистической позиции имеет последствия*. Я предлагаю заинтересованным сделать своим делом *приведение этой тройственности в действие*. К чему я сразу добавлю: *будут глупые и пародийные версии этого момента*. Для некоторых из нас этот момент будет пережит исключительно как *пародия и глупость*. Но для некоторых также будет возможность усовершенствовать то, что всегда имелось в виду под *нашим* анархизмом, не в качестве того направления, в котором движется история или общество, не в качестве истины традиции или в качестве какого-либо идеала, а в качестве того, что откалывается от таких ориентаций в самом абсолютном смысле: приставки отрицания «а-», «ан-», «анти-»... антиполитика как временная ориентация, расширяющаяся в бесчисленные отказы.¹³ Наша этика возникает и предоставляет себя мысли только там, где расколы и отказы расчищают достаточно места. Мы почти ничего не знаем о таких местах, поэтому наша этика может быть также определена как временная *дезорентация*, с которой мы подходим к нашим образам жизни, вечный и необходимый *скептицизм*, который характеризует движение нашего мышления.

¹³ Говоря сам за себя, я недооценил негативное в политической сфере, силу негативности (отношение к миру, обществу, спектаклю, всему, что позиционирует себя как Всё). Мой темперамент заставил меня выделить этические вопросы о том, как жить радостной жизнью, о местах утверждения (индивидуализм/эгоизм, эстетическая чувствительность, которая никогда не лжёт). Я действительно думаю, что можно утверждать свою собственную жизнь, утверждать ничто в ней, так сказать, пока сопротивляешься. Пока я не осознал этого, я дрейфовал рядом с этим пространством, но никогда не знал этого. Я был озадачен негативным, эффективностью приставок «а-», «ан-», «анти-»...

Оглавление

1	5
2	9
3	13
4	19

ных сред) и его утверждение, что его теоретизирование после постанархизма укрепляет сдвиг от плюралистического/релятивистского постанархизма с его реформистскими и радикальными либеральными тенденциями и полностью нигилистическую теорию, выражающую скрытое разрушительное содержание анархизма, неуместно. Но усиление акцента на нигилистических идеях и растущая распространенность того, что можно назвать нигилистическими мерами, является состоянием, которое в какой-то степени затрагивает нас всех. И мы старались продумать это и ответить. Призыв положить конец правлению вместо лучшей, более демократичной, более эгалитарной формы правления является древним. Призыву к упразднению работы вместо справедливой, достойной или честной работы, по крайней мере, десятки лет. Кто из нас больше не критикует конкуренцию, чтобы противопоставить ее сотрудничеству, а потому что победа, которую она дает, смехотворно бессмысленна? Сколько из нас более или менее явно перешли от защиты множества гендеров к обдумыванию условий для упразднения гендера как такового? Что делать с растущей оппозицией программатизму¹² и требованиями в моменты конфронтации и оккупации?

Я здесь интуитивно понимаю две вещи: что плюрализм, кажется, все чаще и чаще раскрывает свою релятивистскую основу, и что раскрытие релятивистской основы будет все

¹² Полезный термин, который я заимствую у *Théorie Communiste*. Как они определяют это: «теория и практика классовой борьбы, в которой пролетариат в своем стремлении к освобождению находит фундаментальные элементы будущей общественной организации, которые становятся программой, которая должна быть реализована. Таким образом, эта революция является утверждением пролетариата, будь то в качестве диктатуры пролетариата, рабочих советов, освобождения труда, переходного периода, отмирания государства, всеобщего самоуправления или «общества ассоциированных производителей».» «Much Ado About Nothing,» in *Endnotes* 1, 155.

ту в каждом кодексе действий. Возьмем этот отрывок из Хайдеггера в качестве иллюстрации:

Область, где совершается сущность и разверзается событие нигилизма,— это сама же метафизика, при непременном условии, однако, что мы, применяя это слово — «метафизика», будем понимать под ним не философское учение и тем более не какую-то отдельную дисциплину философии, а будем думать об основополагающем строе сущего в целом [...] Метафизика — это пространство исторического совершения, пространство, в котором судьбою становится то, что сверхчувственный мир, идеи, Бог, нравственный закон, авторитет разума, прогресс, счастье большинства, культура, цивилизация утрачивают присущую им силу созидания и начинают ничтожествовать.¹¹

Осмелюсь добавить, что кое-что из этого состояния было также указано в нескольких драгоценных текстах о постмодернизме, текстах, в которых поднимались огромные вопросы об их настоящем, и, соответственно, о нашем, лишь для того, чтобы погрузиться в лавину все более лишённых воображения дискуссий, как будто возможность такого сомнения систематически прикрывалась.

То, к чему складываются эти четыре последствия, возможно, является чем-то вроде порядка сдвига парадигмы, который некоторые из нас, возможно, смутно начинают воспринимать. Или, может быть, это намного больше и страшнее, чем когда-либо мог бы быть сдвиг парадигмы. Руссель переоценивает важность и центральность постанархизма для анархистской теории (и, разумеется, различ-

¹¹ “Nietzsche’s word: God is Dead,” in *Off the Beaten Track*, 165

1

Я всегда считал свою склонность к анархии несводимой к политике. Анархистские обязательства уходят глубже. Они более интимны, касаются предположительно личных или частных вопросов; но они также переполняют инструментальную сферу достижения цели. Со временем я перешел от мысли, что анархистские обязательства — это *больше*, чем политика, к мысли, что это *нечто иное*, чем политика. Я продолжаю возвращаться к этой последней формулировке. Она требует продумывания вещей, а не просто выбора команды; её сложнее сформулировать, и она в большей степени беспокоит наш унаследованный здравый смысл.¹ Я не думаю, что я такой один. Некоторым из нас пришло в голову зарегистрировать это чувство инаковости, назвав наши анархистские обязательства *этикой*. Некоторым из нас также пришло в голову назвать эти обязательства *антиполитическими*. Я думаю, что эти формулировки для многих из нас подразумеваемо взаимосвязаны, но вряд ли взаимозаменяемы. В основном меня здесь интересует проблема того, что может означать выполнение наших обязательств как этики — хотя я думаю, что актуальность этого мышления к антиполитике также будет прояснена.

Я намеренно пишу «этика», а не «мораль»: на мой взгляд, этика касается расцвета жизни, совершенствования желаемого образа жизни, счастливых жизней. В Тиккуне хорошо выразились:

Когда мы используем термин «этический», мы никогда не имеем в виду набор предписаний,

¹ “*Il senso più comune non è il più vero,*” — написал еретик Джордано Бруно: «Самый здравый смысл не самый верный». Тип мышления, на который я здесь ссылаюсь, отличается от того, что Масса считает здоровым смыслом.

способных быть сформулированными, правил, которые нужно соблюдать, кодексов, которые нужно установить. Исходя от нас, слово «этический» обозначает **все, что связано с формами жизни**. [...] Никакая формальная этика невозможна. Существует лишь взаимосвязь форм жизни между собой и протоколы экспериментирования, которые направляют их локально.²

Многие из нас смогли отвергнуть мораль как форму социального контроля, как нелепое давление Массы на нас, как навязанное другими или самими на себя ограничение того, что мы делаем и что мы способны сделать. Практически то же самое можно сказать и о любом *этическом универсализме*, который, хотя и подчеркивает образы жизни, а не моральные кодексы или судебные запреты, склонен гомогенизировать образы жизни во имя общего блага; он делает это, тайно предполагая это добро и рассматривая его как естественный факт или самоочевидную транскультурную реальность. Короче говоря, он отвергает трансцендентную мораль только для того, чтобы сразу заново внедрить ее. Наше отвержение этого единственного Блага шло достаточно часто в направлении *плюрализма*: ходила история о том, что существует много Благ, много допустимых или желаемых форм жизни. Это казалось достаточно очевидным, даже интуитивным, многим из нас. История хорошо сочеталась с анархистскими принципами децентрализации и добровольного объединения и нашла отклик у многих в годы, когда риторика антиглобалистов подчеркивала мультикультурализм как практику сопротивления, а Локальное

² *Theory of Bloom*, LBC Books version, 144. Эти фразы сжато выражают целую траекторию работ об этике, которая охватывает Делёза, Агамбена и Бадью, начиная, естественно, со Спинозы и Ницше.

которые глубоко скептически относятся к любым предлагаемым мерам, чтобы выйти Вовне. Во-вторых, то, что обсуждение практик, связанных с этическим нигилизмом, продолжает создавать впечатление того, что это теория, которая одобряет или предлагает курс действий, в то время как его интерес состоит именно в том, что он может этого не делать. Фраза Монсье Дюпона «Ничего не делай» уместна здесь: «Ничего не делай... было и остается провокацией. [...] «Ничего не делай» — это непосредственное отражение «Сделай что-нибудь» и его морального аппарата».¹⁰ От странных практик до бездействия: именно в этом загадочном пространстве антиполитика сходится с этикой. Да, существует разрыв, возможно, колоссальный разрыв между моментом имплозии таких обществ, как наше, и вечной бессмысленностью ценностных утверждений и моральных кодексов. Можно сказать, что антиполитика адресует лишь первое, в то время как этический нигилизм в конечном итоге ссылается на второе. Но антиполитика может также выявить этический нигилизм; наше преднамеренное действие может ускорить взрыв или имплозию мира, чтобы раскрыть больше бессмысленности, которую он был предназначен скрыть.

Четвертое следствие заключается в том, что *нигилизм также является состоянием*. Не только те, кто делает своей компетенцией жизнь и действие в мире, живут с нигилизмом. Сила этического нигилизма заключается не столько в том, чтобы отстаивать позицию, за которую выступаешь, а в том, что он подрывает притязания других на уверенность. Если мы иногда можем сделать это, то это потому, что есть много других, которые в быстро разлагающемся обществе более или менее сознательно понимают пусто-

¹⁰ *Nihilist Communism*, 198.

вседневной жизни и решении проблем из-за недостатка воображения. Вероятно, это происходит из-за неосознанного позиционирования плюралистического общества как того, что наступает после разрушительного момента, в то же время не придавая сознательно какой-либо цели, кроме разрушения существующего, разрушительному действию. Я должен добавить здесь, что было бы поспешно свернуть позицию этического нигилизма в какую-либо одну практику или набор практик. Разрушительные практики, частичные или абсолютные, не следуют механически из отрицания. Разрушение не является практическим применением негативной теории. Я, конечно, не говорю, что разрушение — не стоящая практика или набор практик; но я говорю, что нигилисты по определению отвергают чрезмерную идентификацию любой практики с их отрицанием существующей морали и нормативных подходов к этике. Мне кажется, что, когда нигилистическая позиция существует как нечто иное, чем карикатура, другие позиции будут все больше и больше подрываться изнутри и снаружи.

Третье последствие таково: *этический нигилизм — больше, чем теория*. Это образ жизни и мышления, форма жизни, в которой они не разделены. То, что Руссель обсуждает его только как теорию, оставляет остальным нам решать, что ещё он такое, как он выглядит, как говорят некоторые, или как он практикуется. Я чувствую, что он смог написать эту книгу из-за событий и ситуаций в его жизни, в среде, в других местах. Поэтому, когда я ссылаюсь на практический аспект нигилизма, уже сказав, что его нельзя свести к какой-либо практике или совокупности практик, я имею в виду две вещи. Во-первых, то, что я хочу подчеркнуть необычный тон всех практик тех, кто принимает какую-то версию точки зрения, что нет Внешнего (по отношению к капитализму, цивилизации или существующему), или

— как место его практики. Она также имела смысл или, по крайней мере, была полезной, поскольку она была эффективным способом донести анархистскую перспективу до неанархистов, особенно до потенциальных анархистов.

Так что здесь у нас есть два разных подхода к этике. Один пытается обеспечить доступ и ориентацию на одну процветающую форму, критерий состоит в том, чтобы она была понятна всем: Благо объединяет. Другой подход утверждает, что существует много таких форм, и само это множество является критерием: Благо распределяется на Блага. Всегда подозрительно относящийся к универсализирующим утверждениям, в течение многих лет я (более или менее комфортно) поддерживал последнее, участвуя в игре добавления окончания множественного числа в конце таких слов, как народ, культура, гендер и так далее. Хотя я никогда не был слишком заинтересован в вербовке, так что преимущества коммуникабельности были для меня не важны, тем не менее эта игра, казалось, была связана с утвердительным жестом, утверждающим именно различия и плюрализм в политической сфере. Всегда существовал вопрос рекуперации, то есть, что правительственные и другие институты так легко включали такой плюрализм в свое функционирование в качестве своего либерального полюса (консервативный полюс, который всегда присутствовал, по крайней мере, неявно, обычно имел отношение к нормам управления или следованию правилам). Например, в наши дни администрации университетов трубят о Мультикультурализме громче, чем кто-либо другой, и «Местного Производства» — острый маркетинговый термин. Это беспокоило тех из нас, кто принял эту сторону, но мы парировали, подчеркивая то, что можно было бы назвать необработанным многообразием, в противовес пережёванной, переваренной и отрыгнутой версии, которую мы получили от разного рода администраторов и

глашатаев. Выбирая плюрализм, охотно или неохотно, мы могли бы оказаться неловкими релятивистами; или мы, возможно, упорно работали, чтобы расширить границы либерализма и демократии, там, где слово «*радикальный*» находит своих наиболее послушных партнёров...³

После того, что, как я теперь признаю, было значительной путаницей, если не бессознательным уклонением, я осознал, что даже несмотря на то, что я трудился на границах плюрализма, моё мышление было несовместимо с этой позицией. Мои произведения и разговоры неоднократно указывали в сторону другой позиции, не сводимой к универсализму и все более отчаянным попыткам плюрализма. Это *нигилизм*, который отрицает действительность единственного Блага в основе универсализма, а также отдельных чувств Блага в основе плюрализма. Для нигилистов единственный этический жест негативен: отказ от притязаний на власть универсализма и плюрализма. Для нас все такие притязания пусты, необоснованны, в конечном итоге бессмысленны. И это то, что действительно на кону в разграничении этики и морали. Моё представление о счастливой жизни — не то, до чего я могу додуматься или выбрать, а скорее что-то, что проявляется бесчувственно... но я могу использовать своё размышление (даже своё мне-

³ Также справедливо будет сказать, что, поскольку плюрализм является таким ключевым аспектом либерализма, многие анархисты просто цепляются за своего рода радикализированный либерализм как свою этику и свою политику не из-за каких-либо пробелов в своем мышлении, а потому, что они на самом деле радикальные либералы. Проблема, конечно, либо в том, что они этого не распознают, либо в том, что они этого не признают. По крайней мере, Хомский в своей лекции 1970 года «Government in the Future» признал это, выступая за слияние радикального марксизма и анархизма как «правильного и естественного расширения классического либерализма в эпоху развитого индустриального общества.»

обновление общества, улучшение управления и руководства (как самоуправление, саморуководство), предлагая плюралистические подходы, — скорее всего, откажутся обсуждать или явно выражать универсалистскую основу своей мысли. Другие могут защищать ту же практику, в то же время про себя ощущая или даже признавая пустоту ценностей, которые они защищают. (Один неискренний результат этих частных/общественных конфликтов — это безудержный импульс действовать несмотря ни на что, как будто действие никогда не может быть вредным или скомпрометированным, в сочетании с утверждениями, что это все эксперимент, что мы учимся на ходу, и так далее.) Это предлагает новый взгляд на возникновение и значение анархии второй волны⁹ в целом, включая постлевуую анархию, зеленую/антицивилизационную анархию и, полагаю, также постанархизм, все из которых теперь могут рассматриваться как попытки проанализировать и выявить эти противоречия, чтобы четко указать, каким образом анархистский дискурс всегда воевал с самим собой.

Второе последствие дополняет первое: другое множество анархистов *путает этический плюрализм с этическим нигилизмом*. Здесь *простая последовательная констатация позиции этического нигилизма имеет последствия*. В этом отношении я думаю о тех, кто мог бы преодолеть либеральный набор ценностей в политике, выступая за разрушение существующего, но продолжают возвращаться к плюралистическим/релятивистским взглядам в по-

⁹ Для тех, кто не знаком с ним, этот термин был введен Джоном Муром для обозначения анархистской теории и практики после Ситуационистского Интернационала. Можно было бы считать показательным, что Мур выдвинул этот термин в обзоре основополагающей постанархистской книги Тодда Мэя. Первоначально обзор был опубликован в «*Анархистских исследованиях*», но я знаю его по журналу «*Вторая волна анархии*».

большей трезвостью. Большую часть размышлений с этой точки зрения еще предстоит сделать. Они касаются конъюнкций и дизъюнкций между несколькими смыслами нигилизма. Во-первых, есть такие, которые наиболее знакомы в среде как позиции: нигилистическая анархия и нигилистический коммунизм. Во-вторых, существует нигилизм как теоретическая проблема для других авторов, от Якоби до Бодрийяра. Наконец, есть диагностический смысл нигилизма, унаследованный от Ницше. Связать их с этическим нигилизмом, который Руссель обнаруживает/изобретает в основе анархизма, будет сложной задачей, поэтому я ограничусь здесь перечислением временных последствий, вытекающих из того, что я написал до настоящего момента. Я выдвигаю эти последствия как смену провокаций «*После постанархизма*» на размышления, которые еще предстоит сделать: сделать их возможными, подготовить их наилучшим образом, который я знаю. Первые два последствия предполагают, как мы можем использовать тройственность, чтобы понять и критиковать современные анархистские подходы. Последние два касаются более широкого значения и контекста этического нигилизма, исходя из анархистского контекста.

Первое последствие состоит в том, что теперь ясно, что многие современные анархисты растерянно смешивают этический универсализм с этическим плюрализмом; и этический универсализм с этическим нигилизмом. В таком обществе, как наше, идеалом которого является якобы либеральная демократия, мы должны ожидать, что плюралистический язык будет наиболее вероятным, на котором радикалы предложат свой анализ и предложения. Комьюнити-органайзинг, повышение сознательности и т. д. имеют очевидные связи с либерализмом и в лучшем случае являются его радикальными формами. В результате моралистические типы — те, кто публично выступает за

ние!), чтобы помочь оттолкнуть, уменьшить, уничтожить всё, что блокирует мой образ жизни.

Этот отчет о том, что, должно быть, является не только моей собственной траекторией, но и частью истории последних двадцати пяти лет (более или менее для некоторых других), частично связан с некоторыми важными страницами в «*После постанархизма*» Дуэйна Русселя, укрепившими для меня эту мысль о нигилизме. Руссель утверждает, что нигилистическая позиция, которую я только что описал, всегда была этической основой анархизма, и что мы сейчас находимся в моменте, когда это наконец может быть признано.

2

Я хочу ответить на «*После постанархизма*», потому что там содержится эта значительная провокация. К сожалению, для большинства своих читателей эта книга не может не быть экзотическим объектом. В какой бы степени в ней ни обсуждались знакомые идеи или даже жизненные ситуации, это делается по тайным маршрутам. Да, её трудно читать; но не из-за взаимодействия с тем, что в ней труднее всего, читатели узнают о нескольких замечательных идеях, содержащихся в ней. Стиль Русселя сложен из-за плотности его ссылок и из-за неудачной склонности к многословности и отступлению. Хотя я был бы последним, кто сказал бы, что каждую идею, сформулированную в теоретических или абстрактных терминах, можно также сформулировать на обычном, так называемом доступном языке, я подозреваю, что многое из того, что я считаю ценным в «*После постанархизма*», действительно можно перефразировать иначе. Я намерен сделать это здесь. Как я уже отмечал, этот аспект «*После постанархизма*» показался

мне необычайно четкой формулировкой мыслей, которые я изо всех сил пытался выразить в течение многих лет (среди прочего, на страницах этого журнала). Таким образом, вместо более широкой критики постанархизма (которую Руссель склонен сворачивать обратно в заявление о его актуальности) я ограничусь некоторыми краткими замечаниями о его неправильном понимании соответствующих ролей теории и практики.⁴

Постанархизм получает многочисленные формулировки в этой книге, но на самом деле только два определения. Первое — что это просто «дискурсивная стратегия» (31): не столько теория, сколько результат продолжающихся дискуссий и дебатов в теоретическом пространстве, где анархизм, постструктурализм и новые социальные движения (теоретизированные их участниками и посторонними) пересекаются. В этом отношении я мог бы сделать много возражений или разъяснений, но я просто отмечу, что для того, чтобы такие исследования проводились так, как задумал Руссель, анархизм (как «классический анархизм», 4 and *passim*) должен интерпретироваться как «анархистская философия», иногда «традиционная анархистская философия» (39 and *passim*).⁵ Второе определение, которое следует из первого, но более провокационно, заключается в

⁴ Я не собираюсь атаковать то, что слишком легко критиковать в книге, оформленной как вмешательство в постанархизм, тема, которая меня не касается, и которая, я уверен, менее чем популярна среди читателей *AJODA*. Я с радостью оставляю задачу согласования отчётов этой книги со сторонниками и противниками постанархизма тем, кто считает её стоящей. Я также оставляю в стороне обсуждение вопроса об отношении идей Жоржа Батая к этическому нигилизму в последней главе книги.

⁵ Руссель лишь время от времени ссылается на «классических» анархистов, кроме Кропоткина, который является его главным конкретным примером. Я так понимаю, это потому, что Кропоткин считается наиболее явно этическим из первоначальных анархистов, а также

[Т]о, что я назвал моральным скептицизмом, — негативная доктрина, а не позитивная: она говорит о том, чего нет, а не о том, что есть. Она говорит, что не существует сущностей или отношений определенного вида, объективных ценностей или требований, которые, как считали многие, существуют. Чтобы считать [эту] позицию хоть немного правдоподобной, [она] должна дать некоторое представление о том, как другие люди впали в то, что [она] рассматривает как ошибку, и это представление должно содержать некоторые положительные предложения о том, как ценности неспособны быть объективными, о том, что было ошибочно принято в качестве объективных ценностей или привело к ложным представлениям о них. Но это развитие теории, а не её основы: её основа — отрицание.

На моем языке отрицание соответствует этике как образу жизни; учёт ошибок — тому, что я называю контрриторикой. Таким образом, я хвалю Русселя, потому что он внёс вклад в защиту негативного в анархизме, в то же время намекая на защиту негативности как таковой. Он даёт нам пространство для творческого чтения таких отрывков, как приведённый выше отрывок из Мэки, предлагая их нам как уроки — логические уроки о том, что означает анархия. Её основа — отрицание.

4

Такие логические уроки полезны, вероятно, необходимы, если мы хотим отбросить надежду на этом этапе и думать с

такую аргументацию убедительной, зачем мне применять её на других? Именно здесь интеллектуалистские предположения Русселя пресекают силу его утверждений. Я, однако, думаю, что позиция этического нигилизма лежит в основе большей части анархистского дискурса и практики, как её скрытое содержание. То есть, я думаю, что он в основном прав, *не именно в отношении так называемого классического анархизма, но, примерно и по большей части, в отношении анархистов*. Психоаналитически вдохновленный способ чтения текстов Русселя должен быть преобразован в риторику, или, скорее, в контрриторику, которая может более непосредственно вмешиваться в настоящее. То, что он делает со старыми текстами, другие могут делать с людьми, группами и современными текстами. Но как и когда использовать эту контрриторику? Меньшее, что я могу сказать, это то, что я не собираюсь никого убеждать в том, что они действительно думают. Я вполне могу оставить свой анализ при себе или высказать его в нежелании быть неправильно понятым; или я могу использовать его для атаки. В любом случае, нигилистическая позиция будет известна тем, что она раскрывает распрю [*differend*] между собой и другими, а также *между другими и ними самими*.

Это согласуется с базовой формулировкой нигилизма как негативной этики. Действия, предпринятые от ее имени, всегда временны: повторяя из Тиккуна, все, что у нас есть, и все, что мы знаем, это «взаимосвязь форм жизни между собой» и «протоколы экспериментирования, которые направляют их». Никто не знает, каким был бы мир, если бы в нем жили одни нигилисты! Следуя приведенному выше предложению о негативности в основе традиции, Руссель ссылается на ещё один из своих источников, философа морали Джона Лесли Мэки:

том, что постанархизм «просто *анархизм*, свёрнутый назад в себя» (136). Для Русселя это означает анархическое подведение сомнению этической основы анархизма, поиск анархии в анархизме; он позже указывает свою собственную версию этого сворачивания с точки зрения различия между выраженными и скрытыми содержаниями высказываний.

Здесь я могу подчеркнуть как слабость, так и перспективность подхода Русселя. Независимо от глупости термина «постанархизм», я думаю, что проект второго определения по подведению сомнению, рефлексивному сворачиванию представляет интерес для любого анархиста, который не принимает свою позицию по вопросам морали и этики (или чего-либо ещё, если на то пошло) как должное. Когда он проводит такие сомнения, Руссель наиболее силён. Когда он рассматривает анархистскую традицию взаимозаменяемо как ряд исторических личностей, событий, практик и т. д. и как дискурсивное или концептуальное обрамление, которое может быть абстрагировано от них («анархистская философия»), он наиболее слаб. Он неоднократно попадает в интеллектуалистскую ловушку описания действий как результатов заранее существующих теоретических установок. «Можем ли мы хотя бы временно признать,» — риторически спрашивает он, — «что анархизм — это традиция не канонических мыслителей, а канонических практик, основанных на каноническом выборе этических предпосылок?» (129). Освободившись от идеи анархистского движения, приведённого в движение интеллектом бородатого мужчины, он остаётся на стороне интеллекта, предполагая ранее существовавший на-

потому, что он был объектом постоянного внимания среди постанархистов.

бор предпосылок, на которых «основаны» практики и из которых они получают свой «канонический» статус.

Еще одно критическое замечание о слабости этого подхода. Руссель описывает постанархизм в третьем смысле, и это не столько определение, сколько иллюстрация. Он пишет, что постанархизм — это «новая парадигма» (126) анархистской мысли: «Сдвиг парадигмы... который проник в анархистский дискурс как «постанархизм», позволил реализовать и объяснить этический компонент традиционной анархистской философии» (129). Он настолько усердствует в продвижении этого термина, что несколько раз в своей книге он присоединяет авторов, которые явно отвергают этот термин, таких как Ури Гордон и Габриэль Кун, к этому делу. Мне кажется, что все это — дурной вкус. Речь идёт и о более глубокой проблеме: сдвиг парадигмы не происходит, потому что кто-то говорит, что он происходит. Декларативные, перформативные пожелания, проявляемые всякий раз, когда Руссель использует язык прогресса или продвижения, как если бы речь шла о науке, многое говорят нам о его намерениях, но всегда безуспешны в плане убедительности. Даже если в анархистской теории (или практике!) происходит сдвиг парадигмы, нет никаких оснований считать этот сдвиг улучшением. Вероятно, мы просто догоняем все более сложный, хаотичный и неконтролируемый мир. Поэтому я обвиняю его в том, что он неправильно понимает, что такое сдвиг парадигмы, дико преувеличивает общее значение постанархизма и слишком абстрактно формулирует анархизм как зарождающуюся философию. Тем не менее, возвращаясь к моим основным причинам написания этого эссе, теперь я буду хвалить Русселя за часть того, что он пишет об этике.

смысла: исторически, поскольку общая тенденция анархизма имеет достаточно времени для развития (то, что она будет подавлена как сторонниками, так и врагами, не является доказательством против этого); и психологически или субъективно, поскольку эта общая тенденция также является интимным вопросом в жизни людей, частью бессознательного её первых и нынешних сторонников (и, таким образом, скорее всего, применимы аналогичные заявления о подавлении со стороны сторонников и врагов).⁸

Руссель предполагает, что, хотя большинство постанархистов считали, что они улучшают анархизм или развивают его интуиции, на самом деле они делали его более послушным, потому что более похожим на либеральные идеалы; он, с другой стороны, показал его нигилистическое ядро, его истинную и оригинальную склонность к анархии. Теперь проблема такова: когда анархисты дезавуируют это нигилистическое ядро, выбирая какую-то версию релятивизма (или универсализма!), как им отвечать? По тем же причинам, по которым я не принимаю выраженные идеи Кропоткина или Бакунина за руководство, я не принимаю то, что анализ может раскрыть как их скрытое содержание, за руководство. И если я не нахожу

⁸ Здесь, очевидно, следует повторить аргумент, выдвинутый Шоном Уилбуром и Джесси Коном против первой волны постанархистов: они построили свое коллективное дело на карикатурной редукции исторических анархистов в их реконструкции «классического анархизма». Например, многие эгоисты прямо заявляют, что утверждения Русселя могут быть восприняты только как скрытое содержание (то есть то, что появляется только тогда, когда анализируются явные высказывания). Лучшее, что можно сказать об анализе Русселя в этом отношении, — это то, что он дестабилизирует то, что многие считают центром и краями анархистской традиции или канона. Но остается только удивляться, почему он так подробно обсуждает Кропоткина, вместо, например, Штирнера или Новатора, на которых ссылается лишь мимоходом. Стоит ли для него что-то на кону, когда он подчеркивает этический нигилизм как скрытое содержание, а не как выраженное?

Анархисты против структур представительства и власти, действующих в Государстве и Церкви

подразумевает...

Анархисты против любых других структур представительства и власти, аналогичных тем, которые действуют в Государстве и Церкви

подразумевает...

Анархисты против любой структуры представительства и власти

подразумевает...

Анархисты против всякого авторитета, всего представительства

подразумевает...

Анархисты против ...⁷

Итак, большинство анархистов отстранятся в какой-то момент цепочки подразумеваемого, считая, что они зашли слишком далеко за пределы того, что они считают здравым смыслом. (Наши враги могут быть менее склонны думать, что они зашли слишком далеко.) Что это значит? Грубо говоря, что при анализе первоначальные акценты на противодействии государственной или религиозной власти сменяются неограниченной враждебностью ко всей власти; что противодействие политическому представительству превращается в противодействие всякому представительству; и что критика необоснованности существующих моральных кодексов завершается в чувстве необоснованности всей морали. И они делают это в двух

⁷ Это мой способ переписать контраст между выраженным и скрытым содержанием, который Руссель выводит из Фрейда. Способ развития этого Русселя имеет всего два утверждения, одно из которых показывает скрытое содержание другого путём исключения. Мой больше связан с доведением мысли до предела. Они сходятся в том, что для того, чтобы это произошло, мышление должно взаимодействовать с немыслимым: ...

3

В начале «*После постанархизма*» Руссель заявляет, что, отвечая на то, что он называет «вопросом места» (грубо говоря, на каких основаниях вы делаете этическое заявление?), существует три типа ответов. Существуют универсалистские теории, которые утверждают, что «существует общая объективная сущность, которая обосновывает все нормативные принципы независимо от заявленных ценностей независимо расположенных субъектов или социальных групп» (41). Это включает большинство религиозно обоснованной морали, а также апелляции к человеческой природе. Большинство таких теорий абсолютистские, но они не обязательно должны быть такими; утилитаризм является примером «нормативной теории, которая предполагает, что правильное решение — такое, которое приносит наибольшее благо большинству населения». Второй набор теорий, который соответствует тому, что я назвал плюрализмом в первом разделе, — это то, что Руссель называет этическим релятивизмом. «Релятивисты считают, что социальные группы действительно различаются в своих соответствующих системах этических ценностей и что каждая соответствующая система представляет собой место этического дискурса» (43). То есть существуют разные системы (верования, культуры, обычаев и т. д.), которые могут основывать мораль. Опять же, есть интересное подмножество, предельный случай: «На пределе релятивистской этики лежит вера в то, что уникальный субъект — это место, из которого, как считается, возникают этические принципы» (43). Это соответствует большинству типов индивидуализма.

Провокация, которую я подчеркиваю в книге Русселя, состоит в том, что вместо того, чтобы пытаться еще раз спасти плюрализм, подталкивая его к пародическому ре-

лятивизму, он преследует то, что он называет *этическим нигилизмом*. Его первая попытка определения гласит: «этический нигилизм — это вера в то, что этические истины, если вообще можно сказать, что они существуют, исходят из парадоксального не-места в сердце любого места» (43). То есть нигилизм отрицает основание или, по крайней мере, обоснование или претензию на обоснование в этическом универсализме и плюрализме. «Нигилисты стремятся дискредитировать и/или прервать все универсалистские и релятивистские ответы на вопрос места [...] нигилисты являются критиками всего, что существует в настоящее время, и они поднимают эту критику против всех таких односторонних основ и систем» (44–45). Очевидно, это завершает тройственность, с которой я начал это эссе.

Именно из этой тройственности Руссель развивает свой анализ этики в отношении анархизма. Вместо того, чтобы спорить о существующих моральных кодексах или этических путях, Руссель предполагает, что до сих пор осталась в значительной степени не обсуждена другая позиция: нигилистическая, которая отвергает авторитет или нормативность такой аргументации. Он утверждает, что постанархисты до сих пор рассматривали «классический анархизм» как универсализм (обычно основанный на человеческой природе) и стремились перераспределить его этический импульс в направлении релятивизма. В противоположность этому Руссель стремится сделать явным неявную основу классического анархизма; и эта основа, по его словам, в конечном счете нигилистична. «Следовательно, нужно стремиться оставаться согласованным со скрытой силой, а не с выраженной структурой анархистской этики, поскольку в самой основе анархистской этики существует негативность» (98–99). Сосредоточив своё обсуждение на Кропоткине, Руссель утверждает, что, хотя выраженная

этика Кропоткина была явно универсалистской (основанной на апелляции к человеческой природе), его скрытая этика была нигилистической. «Если можно продемонстрировать, что система «взаимопомощи» Кропоткина также требовала ограничения свободы передвижения личности, то можно также утверждать, что его работа, как и большая часть традиционной анархистской философии, всегда воевала с самой собой» (146).⁶ Этический нигилизм раскрывается путем постепенного откалывания выраженного содержания старых афоризмов, серийно выявляя конфликты, которые они скрывают, скрытое содержание, которое всегда подразумевалось в них:

Анархисты против Государства и Церкви
подразумевает...

⁶ Руссель оформляет это утверждение как утверждение о теории и условиях, при которых формулируются теории. Он не оформляет это как исторический аргумент, хотя идея условий явно подразумевает теорию. Например, в обсуждении статьи Джона Слаттера он передает мимоходом общий подход русских нигилистов и Кропоткина: «Слаттер поверил Кропоткину на слово, когда он утверждал, что [анархисты должны] не склоняться ни перед какими авторитетами, какими бы признанными они ни были [...] не принимать никаких принципов, если они не установлены разумом» (Kropotkin as quoted in Slatter, 261). Здесь, однако, рационализм Кропоткина был поддержан, но только для того, чтобы выявить полезную параллель: «Апелляция к разуму, а не к традиции или обычаю в моральных вопросах, была сделана ранее в российской интеллектуальной истории так называемыми «нигилистами»» (ibid.). Подобно Кропоткину, русские «нигилисты» (или «Новые Люди», как их называли) приняли рационалистический/позитивистский дискурс как способ дистанцироваться от авторитета церкви и, следовательно, от метафизических философий. Метаэтика работы Кропоткина [...] таким образом, раскрывает не «взаимопомощь», а неутомимую негативность, сродни духу русских нигилистов: «[анархист должен] бороться с существующим обществом с его беспорядочной моралью и с нетерпением ждать дня, когда оно прекратит существование» (Kropotkin as cited by Slatter, ibid)» (146–147)